

«Не надо объяснять, как важно, чтобы все окружающее нас несло на себе печать красоты, хорошего вкуса. Олимпийские объекты и некоторые жилые кварталы Москвы, возрожденные жемчужины прошлого и новые архитектурные ансамбли Ленинграда, новостройки Алма-Аты, Вильнюса, Навои, других городов — это наша гордость. И все же градостроительство в целом нуждается в большей художественной выразительности и разнообразии. Чтобы не получалось, как в истории с героем фильма, который, попав по иронии судьбы в другой город, не сумел там отличить ни дом, ни квартиру от своей собственной».

Л. И. БРЕЖНЕВ.

Отчетный доклад ЦК КПСС XXVI съезду партии

ДВАДЦАТЬ лет назад, когда группа архитекторов осталась в пустыне Малик на краю Кызылкумов, им показалось, что жить здесь невозможно. Солнце сжигало землю, пронесли по ней пыльные бури. Плавилась у горизонта контуры горного хребта, и на древнем караванном тракте Бухара — Самарканд лежал слепленный из самана поселок Кармана, что в переводе с узбекского означает «захолустье». Но рядом с ним катила илистые воды река Зеравшан — «несущая золото», поднимались из земли каркасы горно-металлургического и химического комбинатов. Архитекторам предстояло создать здесь город — не сумму жилищ, а гармоничную среду, отражающую многообразие самого человека, — оазис в пустыне.

Проектирование поручили архитектурной мастерской ленинградского института ВНИПИЭТ. Ее возглавили люди, имевшие опыт удачной работы над Новосибирским академгородком, Обнинском, Дубной, — И. Б. Орлов, Н. И. Симонов и другие. Многие, как И. М. Жарковский, Е. Б. Федоров, пришли в мастерскую сразу после защиты дипломов. Все были молоды, намерения их высоки, энергия не растратена.

Поражала Средняя Азия, роскошь Гур-Эмира, узорная кладка мавзолея Саманидов, минареты и синие купола мечетей, увенчанных гнездами аистов. С пестро распахнутых базаров архитекторы попадали в кварталы старой Бухары, замкнутые глухими стенами вокруг мечетей и водоемов. С. С. Целярицкий зарисовывал в альбомы планы мечетей, орнаменты, узоры резьбы по ганчу, деревянные колонны айванов — теневых навесов, радуясь немеркнувшей яркости кобальта и ультрамарина. Древнее зодчество посвящало себя верховной идее или питалось честолюбием верховного властителя, отождествлявшего себя с ней, оно поднимало ввысь неповторимые шедевры. Теперь, решая широкую задачу массового строительства современными средствами, надо было не повторять прежние приемы и не подделываться под них, но глубоко воспринять уроки древнего зодчества, усвоить суть национальных традиций.

В градостроительной практике генпланом часто занимаются одни коллективы, объемными разработками — другие. При этом возникают всякого рода расхождения и неувязки.

В мастерской приняли иной принцип: «планировщики» и «объемщики», конструкторы и экономисты, специалисты по городским сетям и озеленители совместно закладывали город с самого его начала.

Каждый проект обсуждали сообща, не принимая ни временных неурядиц, часто остающихся навсегда, ни тусклой провинциальности, ни утилитарности, превращающей человека в средство. Интеллигентные, талантливые руководители позволяли молодым архитекторам иметь право на самостоятельность видения, взаимобогащаться, расти в атмосфере напряженного творчества.

Город проектировался и строился одновременно. Замыслы не успевали устареть, перегореть, осесть холодным пеплом. Сидя в Ленинграде,

город в Азии не построишь, и каждый архитектор проводил в командировках на стройплощадке месяцы, в общей сложности — годы. «Вы не знаете нашего генерального конструктора, видели бы его на стройке — глаза горят... У нас от тех лет сравнение осталось — «Как Смородин на крыше». С крыш Г. П. Смородин спускался в котлованы, мучился вместе со строителями, взрывая грунт под камуфлетные сваи — просадочные грунты проваливались под фундаментом на полметра. Перенасыщенная солями вода разъедала бетон и трубы. Под азиатским солнцем краски выгорали, линяли.

ЕСЛИ рассмотреть обстоятельства, определившие судьбу нового города, можно выделить из них самые главные. Всю его жизнь он был в руках единого творческого коллектива (даже одной группы авторов (ну, а в том, что авторы эти незаурядны и работают самозабвенно, Навои особенно повезло). Воплощая их проекты единый строитель — созданное почти одновременно с началом города Навоийское управление строительства. Финансировал

В Навои она есть. Здесь современника не приносят в жертву отдаленным потомкам. Город оживает большими завершенными массивами. Строители уходят, оставляя микрорайон с полностью обеспеченным бытом — торговым центром, яслями, детскими садами, оборудованными кондиционерами, теневыми площадками, плескательными бассейнами, со школой, кинотеатром, мастерскими, парикмахерской.

В те годы архитектура претерпевала борьбу с излишествами — но для этой зоны типовых проектов многоэтажных зданий не было вообще. А дом из средней полосы стал бы здесь, в жарком климате, душгубкой. Модные застекленные стены магазина делали продавцов и покупателей похожими на рыб в перегретом аквариуме. Почти все типовые проекты пришлось переработать. Сама рука судьбы спасала город от банальности. Первым характерным для На-

учили плавать в бассейне «Дельфин».

Но город — живой организм, его нельзя запрограммировать навсегда. С возрастом у него появляются новые потребности, да и просто устают материалы, меняются нормы. На месте иногда удавалось найти более удачные решения. И в Навои переселилась большая группа авторского зора под руководством Е. Назарова. Она добивалась полного соответствия замысла возможностей строительств, еще набравшей опыт, шествия на прямую и образ связи со строителями. Не дала за окончательной ской.

— Навои — счастливый в моей жизни, — рассказывал Игорь Жарковский, провавший пять лет в авторском надзоре. — Перебралась к из Сочи бригада Павла рева, редкие мастера от Мы с Павлом охотились еще джейранов много бы

Валерия
АЛФЕЕВА

Площадь перед Дворцом культуры.

Фонтан «Фархад».

степи, зайцев, фазанов. / ди рыбу на «Соленых озерах» жили пеликаны, даже минго... Строили мы в то время первый кинотеатр, «Узбекстан», думали: как бы украсить?

В память об этой дружбе остались в кинотеатре оные панно по рисункам Жарковского. «Девушки собирают хлопок» — условная стилизация, скорее танец, тяжелый труд. «Павел и Игорь и Павел выкладывает из осколков цветного стекла подаренного на посудной бrique, «Цапли» с Сог озер появились в кафе «Фархад». Для декоративной м цветной фактуры сами их привозили, дробили мр Все получалось неожиданно ярко, свежо, все делалось платно, на фантазии и изыске.

Так вырастал красивый род. Подтягиваясь к концу года набирались в дом — пятиэтажные панельные, восьмизэтажные с черными в двух уровнях. Галерейных девятиэтажек цами вышел к главной площади. С другой стороны ее нули Дом связи и гости «Навои». И, наконец, ансамбль центра завершился 13-этажной вертикалью Дома Советов того сверху донизу изысканной солнцезащитной решетки из анодированного алюминия, похожей на серебристые с длинными золотыми прожилками.

ЦЕНТРАЛЬНАЯ площадь расстелена ковром из цветных бетонных плит и переходит в просторный протяженный сквер — в денную зеленью эспланады. Мы идем по ней с И. И. Лямовым, заведующим райо-

вои типом жилого дома стал четырехэтажный галерейный. Вместо коридоров к квартирам ведут затененные галереи вдоль этажей. Планировка двусторонняя — окна раскрываются на галерею и лоджии. Сквозное проветривание спасает от духоты летом, когда жара достигает 43—45 градусов и ночи остывают долго, не принося прохлады. Длинные горизонтальные галереи, их контраст с мощными вертикалями лестничных клеток, светлый кирпич, белая облицовочная плитка, неременные лоджии и солнцезащитные решетки — эти черты стали прорисовывать южный и светлый облик города. Не отдельные выигрышные здания, а комфортные жилые массивы, озелененные и обводненные микрорайоны со свободной планировкой зданий должны были стать органичными частями общей архитектурной системы города.

Параллельно рос и общественный центр — протяженный, пространственной композицией. Обитатели первых микрорайонов уже посещали вечерами кинотеатр «Узбекистан» и кафе «Флора», ходили на стадион, а их ребяташек, едва достигших до детского сада,